

ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НЕОФИЛОЛОГИЯ

NEORHIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

2023

ТОМ 9

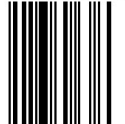
№ 2

ISSN 2587-6953

9 772587 695009

23034 >

ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

НЕОФИЛОЛОГИЯ

2023. Том 9. № 2

NEOPHILOLOGY

2023, VOLUME 9, NO. 2

16+

Неофилология. 2023. Т. 9. № 2

Сквозной номер выпуска – 34

Научно-теоретический журнал. Издаётся с марта 2015 г. Выходит 4 раза в год

Журнал включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» ВАК при Минобрнауки России по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки: **5.9.1** – Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки); **5.9.3** – Теория литературы (филологические науки); **5.9.5** – Русский язык. Языки народов России (филологические науки); **5.9.6** – Языки народов зарубежных стран (германские языки) (филологические науки); **5.9.9** – Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки); **5.10.1** – Теория и история культуры, искусства (культурология) (категория К2).

Индексируется РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка».

Политика журнала. Научно-теоретический журнал «Неофилология» включает научные статьи и рецензии, посвящённые результатам фундаментальных и прикладных исследований ведущих и молодых российских и зарубежных учёных в области языкознания, литературоведения, медиакоммуникаций и журналистики, а также культурологии. Основное содержание статей направлено на введение в научный оборот новых филологических и культурологических фактов и идей, обладающих общественной значимостью.

Все статьи проходят проверку в программе «**Антиплагиат**» и **двойное слепое рецензирование** членами редколлегии и внешними экспертами, отобранными редакцией.

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

Главный редактор:

А.С. Щербак, д. филол. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация)

Научный редактор:

С.А. Мызников, чл.-корр. РАН, д. филол. н. (г. Москва, Российская Федерация)

Ответственный секретарь:

И.В. Ильина (г. Тамбов, Российская Федерация)

Редакционная коллегия:

В.Г. Андреева, д. филол. н., проф. (г. Москва, Российская Федерация); **Н.С. Гегелова**, д. филол. н., доц. (г. Москва, Российская Федерация); **Р. Гольдт**, д. филол. н., проф. (г. Майнц, Федеративная Республика Германия); **М.В. Горбаневский**, д. филол. н., проф. (г. Москва, Российская Федерация); **Е.И. Григорьева**, д. культурологии, проф. (г. Москва, Российская Федерация); **Е.А. Зверева**, д. филол. н., доц. (г. Тамбов, Российская Федерация); **С.Н. Ильченко**, д. филол. н., доц. (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация); **С.В. Кезина**, д. филол. н., проф. (г. Пенза, Российская Федерация); **И.В. Леонов**, д. культурологии, доц. (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация); **Ю. Накано**, д. филол. н., ассист. проф. (г. Киото, Япония); **О.Н. Новикова**, д. филол. н., доц. (г. Уфа, Российская Федерация); **О.Ю. Осьмухина**, д. филол. н., проф. (г. Саранск, Российская Федерация); **Л.А. Пронина**, д. филос. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация); **Л.В. Рацибурская**, д. филол. н., проф. (г. Н. Новгород, Российская Федерация); **Н.В. Розенберг**, д. филос. н., проф. (г. Пенза, Российская Федерация); **В.В. Смеюха**, д. филол. н., доц. (г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация); **В.И. Супрун**, д. филол. н., проф. (г. Волгоград, Российская Федерация); **П.В. Сысоев**, д. пед. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация); **З.К. Темиргазина**, д. филол. н., проф. (г. Павлодар, Республика Казахстан); **Г.Н. Трофимова**, д. филол. н., проф. (г. Москва, Российская Федерация); **Л.А. Фурс**, д. филол. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация); **Л.Е. Хворова**, д. филол. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация); **Чжан Цзе**, д. филол. н., проф. (г. Нанкин, Китайская Народная Республика); **А.Л. Шарандин**, д. филол. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация); **Ю.М. Шемчук**, д. филол. н., проф. (г. Москва, Российская Федерация); **А.М. Шестерина**, д. филол. н., проф. (г. Москва, Российская Федерация); **Н.Н. Ярошенко**, д. пед. н., проф. (г. Москва, Российская Федерация)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

Издатель: ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-70137 от 16.06.2017 г.

ISSN 2587-6953 (Print)

ISSN 2782-5868 (Online)

Подписной индекс 80303 в каталоге ООО «УП Урал-Пресс»

Адрес редакции и издателя:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33
Телефон редакции: +7(4752)72-34-34 доб. 0440
Электронная почта: ant_scherbak@mail.ru; ilina@tsutmb.ru
Веб-сайт: <http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html>;
<http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng/>

Редакторы: Ю.А. Бирюкова, М.С. Жарихина, М.И. Филатова
Редакторы английских текстов: Д.Г. Самодуров, М.А. Сенина
Дизайн обложки: Т.О. Прокофьевой
Администратор сайта: М.А. Сенина

Оригинал-макет подготовлен в объединённой редакции научных журналов

Отпечатано с готового оригинал-макета в отделе оперативной печати Издательского дома «Державинский» ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина». 392008, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, 190г.
Электронная почта: izdat_tsu09@mail.ru

Подписано в печать 02.05.2023. Дата выхода в свет
Формат А4 (60×84 1/8). Гарнитура «Times New Roman».
Печать на ризографе. Печ. л. 30,5. Усл. печ. л. 29,6.
Тираж 1000 экз. Заказ № 23132. Свободная цена.

Для цитирования: Неофилология. 2023. Т. 9. № 2. 244 с. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2>

Материалы журнала доступны по лицензии **Creative Commons Attribution («Атрибуция») 4.0** Всемирная

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2023
© Журнал «Неофилология», 2023

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

При перепечатке, при цитировании материалов, в том числе в электронных СМИ, ссылка на журнал обязательна.

Ответственность за содержание публикаций несёт автор

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 343.148:81'33 + 316.628.29

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-301-320>

Шифр научной специальности 5.9.5

К вопросу о методическом, организационном и кадровом обеспечении потребностей судебной лингвистической экспертизы: традиционное и актуальное

Игорь Вениаминович ЖАРКОВ¹ , Елизавета Аркадьевна КОЛТУНОВА²

¹ РОО «Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам»

129164, Российская Федерация, г. Москва, ул. Кибальчича, 11, корп. 1

² ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

603950, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, 23

 linguexpert@protonmail.com

Аннотация. Рассмотрены актуальные проблемы организации и методики проведения судебных лингвистических экспертиз. Анализ проведен с учётом поставленных Правительством Российской Федерации задач совершенствования законодательства, регулирующего судебно-экспертную деятельность в России. Особое внимание уделено современной тенденции противопоставления государственных и негосударственных экспертов. Отмечено, что перераспределение нагрузки между государственными и негосударственными судебными экспертами в пользу первых влечёт за собой увеличение затрат бюджетных средств на материальное и организационное обеспечение деятельности государственных судебно-экспертных учреждений и увеличение сроков производства экспертных заключений. Высказано аргументированное мнение о недопустимости функционирования в судебной лингвистической экспертизе закрытых методик, недоступных для экспертов, специалистов и участников судебного процесса. Уделено также внимание имеющимся в экспертной практике методическим лакунам, которые необходимо заполнять экспертными приёмами, основанными на научных верифицируемых лингвистических методах, а также обосновано положение о том, что закрытые методики препятствуют верификации корректности применения экспертом того или иного методического положения. В заключение сформирован вывод о том, что публичность экспертных методических материалов делает их доступными для обсуждения в научном и экспертном сообществе, включающего в себя конструктивную критику, нацеленную на повышение уровня объективности экспертных лингвистических и психолого-лингвистических исследований.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, лингвистические методы, типовые экспертные методики, верификация, границы компетенции, негосударственный эксперт, организация судебной экспертизы, экспертные задачи, судебно-экспертное учреждение

Для цитирования: Жарков И.В., Колтунова Е.А. К вопросу о методическом, организационном и кадровом обеспечении потребностей судебной лингвистической экспертизы: традиционное и актуальное // Неофилология. 2023. Т. 9. № 2. С. 301-320. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-301-320>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

On the issue of methodological, organizational and staffing for the needs of forensic linguistic expertise: traditional and current

Igor V. ZHARKOV¹ , Elizaveta A. KOLTUNOVA²

¹RPO “Guild of Linguistic Experts in Documentation and Information Disputes”

Bldg 1, 11 Kibalchicha St., Moscow, 129164, Russian Federation

²Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod, 603950, Russian Federation

 linguexpert@protonmail.com

Abstract. The actual problems of the organization and methodology of conducting forensic linguistic examinations are considered. The analysis was carried out taking into account the tasks set by the Government of the Russian Federation to improve the legislation governing forensic activities in Russia. Particular attention is paid to the modern trend of opposing state and non-state experts. It is noted that the redistribution of the workload between state and non-state forensic experts in favor of the former entails an increase in budget expenditures on material and organizational support for the activities of state forensic institutions and an increase in the time for producing expert opinions. A reasoned opinion is expressed about the inadmissibility of functioning in forensic linguistic examination of closed methods that are inaccessible to experts, specialists and participants in the trial. Attention is also paid to the methodological lacunae available in expert practice, which must be filled with expert techniques based on scientific verified linguistic methods, and the position is substantiated that closed methods prevent verification of the correctness of the application of one or another methodological position by an expert. In conclusion, the conclusion is drawn that the publicity of expert methodological materials makes them available for discussion in the scientific and expert community, which includes constructive criticism aimed at increasing the level of objectivity of expert linguistic and psycho-linguistic research.

Keywords: linguistic expertise, linguistic methods, typical expert methods, verification, limits of competence, non-state expert, organization of forensic examination, expert tasks, forensic institution

For citation: Zharkov, I.V., & Koltunova, E.A. On the issue of methodological, organizational and staffing for the needs of forensic linguistic expertise: traditional and current. *Neofilologiya = Neophilology*. 2023;9(2):301-320. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2023-9-2-301-320>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Одним из наиболее актуальных вопросов, постоянно дискутируемых в последнее время в экспертологии и смежных с ней областях, является вопрос о возможной реформе судебно-экспертной сферы в российском правовом поле.

Системообразующим законным актом, регулирующим судебно-экспертную деятельность (далее также СЭД) в Российской

Федерации, является Федеральный закон от 31 апреля 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Однако уже в 2013 г. на рассмотрение законодателя Правительством РФ был внесен подготовленный Министерством юстиции проект одноименного закона № 306504-6, призванного заменить Федеральный закон от 31 апреля 2001 г. № 73-ФЗ, за исключением норм, относящихся к судебно-медицинским и судебно-пси-

хиатрическим экспертным учреждениям и подразделениям. Согласно информации, размещённой на официальном сайте Минюста РФ, одним из наиболее существенных отличий нового закона от действующего должны стать требования, в соответствии с которыми «Не менее одного работника должно быть в штате негосударственной судебно-экспертной организации. Квалификация сотрудников должна подтверждаться сертификатом компетентности. Место работы эксперта должно быть основным», причём «Судебный эксперт должен подтверждать сертификат компетентности раз в пять лет» (<https://minjust.gov.ru/ru/events/45950/>). За десять лет данный законопроект прошёл первое чтение и до сегодняшнего дня продолжает находиться на рассмотрении Государственной Думы РФ (<https://sozd.duma.gov.ru/bill/306504-6?ysclid=lffimzaz5e395730698>).

В результате активного обсуждения этого законопроекта и его подготовки ко второму чтению в период с 2013 по 2016 г. была создана новая редакция текста, согласованная Минюстом РФ, но не поддержанная законодателем. Ещё одна редакция планируемого закона, подготовленная в 2018 г., вновь вызвала замечания, препятствующие его принятию. Об этом подробно докладывал заместитель Министра юстиции Российской Федерации Д.В. Новак в мае 2019 г. в ходе парламентских слушаний на тему «Совершенствование законодательства Российской Федерации, регулирующего судебно-экспертную деятельность» (<http://council.gov.ru/media/files/yu3nqkDpZpQ3XzY0ZkKt0lcyuCUyI8SE.pdf>).

В дальнейшем проводились иные мероприятия, публиковались различные точки зрения, относящиеся к предлагаемой реформе сферы СЭД. Последним крупным официальным обсуждением в рамках этой дискуссии стал «круглый стол», проведённый в Совете Федерации ФС РФ под председательством первого заместителя председателя Комитета СФ по конституционному законодательству и государственному строительству И. Рукавишниковой (<http://council.gov.ru/events/news/137511/>) летом 2022 г.

Ключевые положения законопроекта № 306504-6, отличающие его от действующего федерального закона № 73-ФЗ, во всех редакциях связаны с попыткой ввести дополнительное регулирование деятельности негосударственных судебных экспертов и негосударственных судебно-экспертных учреждений. Представителями различных органов власти в разных комбинациях предлагалось или предлагается вернуть или ввести в законодательство в сфере СЭД понятия аккредитации, сертификации, валидации, лицензирования, стандартизации, аттестации и (или) регистрации в том или ином подлежащем созданию реестре всех экспертов, только негосударственных судебных экспертов, негосударственных экспертных СЭУ, методик производства судебной экспертизы, оборудования и т. д.

В качестве источников свидетельств, сертификатов и т. п. правоустанавливающих документов, которые давали бы негосударственным экспертам и негосударственным СЭУ право ведения судебно-экспертной деятельности, организации и производства той или иной судебной экспертизы по тому или иному делу, предлагаются, как правило, различные органы исполнительной власти, чаще других – Министерство юстиции РФ.

В ряде документов и научных работ, относящихся к сфере юриспруденции (см., например: [1]), предлагается также ввести в оборот противопоставление «государственный судебный эксперт» vs «частный эксперт», второй член которого призван заменить предусмотренное действующим законодательством понятие «негосударственный эксперт».

Также обсуждается и уже частично принимается на уровне решений, находящихся в компетенции органов исполнительной власти, перераспределение нагрузки между государственными и негосударственными судебными экспертами в пользу дополнительного ограничения последних по видам выполняемых экспертиз. В частности, в период подготовки настоящей статьи было принято расширение перечня видов судебных экспертиз, проводимых исключительно государственными судебно-экспертными организация-

ми, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2021 г. № 3214-р (<https://regulation.gov.ru/Projects/List#npa=133976>). Согласно новой редакции этого перечня, негосударственные судебные эксперты более не имеют права проводить лингвистические и психолого-лингвистические экспертизы по уголовным делам о преступлениях, связанных с проявлением терроризма и экстремизма, а также судебные экспертизы при проверке сообщений о таких преступлениях.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Представляется предельно актуальной необходимостью высказать ряд соображений по описанным выше аспектам проблемы предполагаемой и уже частично реализуемой реформы сферы СЭД в контексте их возможного влияния на деятельность судебных экспертов-лингвистов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Совершенно очевидно, что оценка любых процессов, происходящих в сфере судебно-экспертной деятельности и/или потенциально влияющих на неё, должна производиться прежде всего с учётом положения статьи 1 федерального закона № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», со всей определённой относящегося судебно-экспертную деятельность к процессу судопроизводства («Государственная судебно-экспертная деятельность осуществляется в процессе судопроизводства...»), и общей задачи СЭД, определённой в статье 2 этого федерального закона следующим образом: «Задачей государственной судебно-экспертной деятельности является оказание содействия судам, судьям, органам дознания, лицам, производящим дознание, следователям в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, посредством разрешения вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла». Сущностными свойствами профессиональной деятельности су-

дебного эксперта являются, таким образом, её прямая отнесённость к процессу судопроизводства и целеполагание (СЭД направлена на удовлетворение определённых специфических потребностей судопроизводства).

Не следует забывать и о конституционном принципе разделения властей, закреплённом статьёй 10 Конституции РФ, относящейся к главе 1 Конституции «Основы конституционного строя»: «Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны».

В связи с изложенным представляется, с одной стороны, самоочевидным, а с другой стороны, критически важным условием, прямо вытекающим из принципов, формирующих основы конституционного строя, что **регулирование СЭД как сферы, обслуживающей только и исключительно потребности судопроизводства, должно осуществляться при решающем участии органов судебной ветви власти**. Участие органов исполнительной власти, как существующих (включая, например, Минюст России), так и предлагаемых к созданию (включая, например, институт уполномоченного по судебно-экспертной деятельности при Президенте РФ), а равно иных структур, созданных и контролируемых такими органами, в регулировании СЭД может и должно носить только совещательный характер.

2. Имеющее место перераспределение нагрузки между государственными и негосударственными судебными экспертами в пользу первых следует рассматривать в общем контексте объективной реальности, и в этом контексте оно выглядит неоднозначным с точки зрения целесообразности данного процесса, прежде всего, в силу действия двух факторов.

Во-первых, увеличение объёма работы, оплачиваемой за счёт бюджетных средств, с неизбежностью создаёт дополнительную нагрузку на бюджет. Между тем, согласно информации, опубликованной на официальном сайте Федерального Собрания Российской Федерации по результатам уже упоминавшие-

гося «круглого стола», проведённого в Совете Федерации ФС РФ летом 2022 г. (<http://council.gov.ru/events/news/137511/>), статус негосударственных экспертов является лишь одной из трёх наиболее острых проблем, которые обсуждались на этом мероприятии. Две других актуальных проблемы, на которые обращается внимание в этой публикации, – это, по словам И. Рукавишниковой, **«растущая задолженность по оплате возмещения расходов на производство судебной экспертизы»**. По данным Министерства юстиции России, размер дебиторской задолженности составляет более 300 миллионов рублей» и **сроки проведения экспертиз**. В этой части, по её же словам, «специалисты выделяют две проблемы: срок ожидания и проведения самой экспертизы. По некоторым видам экспертиз результатов можно ждать более года – до 14 месяцев».

Сказанное согласуется с отражёнными в материалах уголовных дел данными, доступными авторам из их собственной практики судебно-экспертной деятельности. Так, в рамках предварительного расследования одного из дел, в настоящее время находящихся на рассмотрении одного из судов г. Москвы, по обвинению гражданина в преступлениях, предусмотренных пунктами «г», «д» части 2 статьи 207.3 УК РФ, части 1 статьи 284.1 УК РФ, статьи 275 УК РФ, следственный орган запрашивал сведения о возможности и возможных сроках производства судебной лингвистической либо судебной комплексной психолого-лингвистической экспертизы различные государственные и негосударственные судебные учреждения. Из государственных СЭУ, относящихся к разным ведомствам, на эти запросы были получены ответы, из содержания которых вытекает следующее:

– возможность проведения лингвистической экспертизы в одном из учреждений является сомнительной в силу особенностей спорных материалов, описанных в запросе; в случае, если проведение экспертизы возможно, сроки её проведения в связи с наличием в производстве государственных экспертов, работающих в данном учреждении, большо-

го количества экспертиз – не ранее чем через два месяца;

– возможность проведения лингвистической экспертизы в другом учреждении отсутствует в силу особенностей спорных материалов, описанных в запросе;

– возможность проведения лингвистической экспертизы в третьем учреждении имеется; сроки начала её проведения в связи с наличием в производстве государственных экспертов, работающих в данном учреждении, большого количества экспертиз – не ранее чем через семь месяцев;

– возможность проведения комплексной психолого-лингвистической экспертизы в третьем учреждении также имеется; сроки начала её проведения в связи с наличием в производстве государственных экспертов, работающих в данном учреждении, большого количества экспертиз – не ранее чем через десять месяцев.

Получив эти ответы, следователь назначил экспертизу в негосударственном СЭУ, сообщившем о возможности её производства в срок от двух до трёх недель с момента получения материалов.

Перераспределение нагрузки между государственными и негосударственными судебными экспертами в пользу первых, как отмечалось выше, влечёт за собой увеличение затрат бюджетных средств (увеличение штатов государственных судебных экспертов, расходы на подготовку кадров, расходы на материальное и организационное обеспечение деятельности государственных СЭУ). Между тем, «дефицит федерального бюджета в первой декаде марта превысил заложенный на весь 2023 г. показатель. Премьер-министр М. Мишустин, выступая с ежегодным отчетом правительства в Госдуме, сообщил, что по состоянию на 8 марта доходы составили 3 трлн руб., расходы – 6,3 трлн руб., дефицит – 3,3 трлн руб.» (<https://www.rbc.ru/economics/23/03/2023/641c52c89a79477c8ab0fa50?ysclid=lfzmeefabl670921718>).

В связи с изложенным, перераспределение нагрузки между государственными и негосударственными судебными экспертами в пользу первых следует рассматривать в современной ситуации как **шаг по меньшей**

мере сомнительный и, вероятно, ведущий к усугублению двух из числа наиболее острых проблем, существующих сегодня в сфере СЭД. То же относится к созданию любых новых государственных органов или особых подразделений в составе существующих органов власти, в чьи полномочия будут входить аккредитация, сертификация, валидация, лицензирование, стандартизация, аттестация и (или) регистрация экспертов, негосударственных экспертных учреждений, методик, оборудования и т. д.

3. Целесообразность перераспределения нагрузки между государственными и негосударственными судебными экспертами в пользу первых, как правило, обосновывается тезисом о заведомо более высоком качестве их работы по сравнению с негосударственными экспертами, поскольку государственные судебные эксперты используют в ходе проводимых ими исследований методики, методические рекомендации и иные методические материалы, подлежащие официальному одобрению и утверждению в соответствующей системе экспертных учреждений.

Исследование в судебно-экспертной сфере – это научное изучение фактов, находящихся в распоряжении эксперта. Установленное значение подтверждается также содержанием статьи 8 № 73-ФЗ: «Эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе...». Таким образом, очевидно, что ход судебно-экспертного исследования не может не опираться на методическую базу, которая состоит из ряда специальных методик, методов и приёмов. О важности использования современных методов в экспертной деятельности говорится и в Постановлении Пленума ВС РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебно-экспертной по уголовным делам», где в пункте 1 сказано: «*Обратить внимание судов на необходимость наиболее полного использования достижений науки и техники в целях всестороннего и объективного исследования обстоятельств, подлежащих доказыванию*», в пункте 15: «*Необоснованным следует считать такое заключение эксперта, в котором недостаточно аргументированы выводы, не применены или неверно применены*

необходимые методы и методики экспертного исследования» (см. Бюллетень Верховного суда РФ, 2011, № 2).

Одной из первых методик в сфере судебной лингвистической экспертизы является типовая методика, разработанная в ЭКЦ МВД России в 2007 г. коллективом авторов. Методика содержит рекомендации, связанные с выявлением и оценкой «имеющихся в тексте лингвистических признаков разных уровней (текстового, синтаксического, лексического, морфологического, фонетического), характеризующих различные компоненты текста (денотативный, оценочный, иллокутивный, экстралингвистический)», а также «диагностику признаков, характеризующих коммуникативную ситуацию создания и воспроизведения текста...»¹. Важным условием лингвистического анализа стало ограничение компетенции лингвиста-эксперта только констатацией выявленных в спорном речевом материале языковых фактов, в то время как их оценка на предмет релевантности для конкретного речевого правонарушения не предусмотрена.

Не умаляя достоинств данной методики и не ставя под сомнение огромное значение, которое она имела в становлении судебной лингвистической экспертизы как особой области прикладной лингвистики, характеризующейся объективностью и верифицируемостью результатов исследований, следует заметить, что методика не лишена и недостатков, в частности, связанных с так называемым «поуровневым», а не комплексным анализом речевого материала. Применяемая в этой методике терминология также представляется не всегда удачной и однозначной. Например, один из типовых вопросов, предусмотренных этой методикой, который и до сегодняшнего дня нередко встречается в уголовных делах о клевете, сформулирован следующим образом: «Имеются ли в представленном тексте высказывания, в которых получили речевое выражение какие-либо факты действительности или положение дел,

¹ Типовые экспертные методики исследования доказательств. Ч. 1 / под ред. Ю.М. Дильдина; общ. ред. В.В. Мартынова. М.: ЭКЦ МВД России, 2010. С. 243-292.

имеющие отношение к гр. Х. и выражающие негативную оценку его деятельности?» Эта формулировка с очевидностью не учитывает решающее для дел данной категории противоположение утверждений о фактах различным формам мнения, в том числе оценочным суждениям, что создает предпосылки для введения правоприменителя в заблуждение относительно содержания выводов эксперта.

Преодолеть большинство указанных недостатков удалось авторам методик РФЦСЭ Минюста, созданных в 2011 и 2014 гг. [2; 3], а также методического пособия «Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе»² под ред. С.А.Смирновой и пособия «Судебная лингвистическая экспертиза диалогической речи»³, в котором представлены методические подходы к исследованию диалогического дискурса. Лишён большинства этих недостатков и первый учебник по лингвистической экспертизе Е.И. Галяшиной⁴. Высокой оценки заслуживает также научно-информационное пособие для экспертов Т.М. Изотовой, В.О. Кузнецова и А.М. Плотниковой, в котором рассматриваются теоретические и организационно-правовые основы судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении⁵.

Роль обозначенных методических материалов трудно переоценить: по сути, они являются пошаговыми инструкциями к решению целого ряда задач судебной лингвистической экспертизы.

Несомненный интерес, с точки зрения движения относящихся к разным ведомствам государственных экспертных подразделений и внедряемых ими подходов навстречу друг другу, представляет также «Типовая межве-

домственная методика лингвистического экспертного исследования материалов экстремистской направленности», совместно разработанная ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, Институтом криминалистики ЦСТ ФСБ России, ФГКУ ЭКЦ МВД России и Главным управлением криминалистики СК РФ в 2019 г. Этот документ трудно назвать полномасштабной методикой, но эксплицированный в нём информационный материал даёт современные определения таким экспертным понятиям, как предмет экспертизы, компетенция эксперта, типы экстремистских значений, задачи эксперта и алгоритм решения этих задач.

В распоряжении государственных экспертов имеется также значительное количество методических и информационных материалов, доступ к которым либо ограничен, либо невозможен не только для негосударственных экспертов, но и для части участников судебного процесса. Более того, в сфере судебной лингвистической экспертизы существуют даже «закрытые» словари русского языка, в которых отмечены значения, не зафиксированные ни нормативными, ни справочными словарями русского языка. Так, в заключении по материалам уголовного дела в городе Чита эксперт привёл лексическое значение связанного словосочетания «поднять на вилы», которое не эксплицировано ни в одном словаре современного русского языка, и сослался при этом на «Толковый словарь лексики, актуальной при проведении криминалистических исследований текстовых материалов экстремистской направленности» со следующими выходными данными: «М.: Институт криминалистики ЦСТ ФСБ России, 2015». В заключении эксперта-лингвиста из Екатеринбурга сообщается о том, что исследование проводилось «согласно методикам и методическим рекомендациям», и перечисляется 15 методических рекомендаций, разработанных в Центре специальной техники (ЦСТ) ФСБ России с 2008 по 2019 г. Закрытость данных методик порождает своеобразный лингвопонятийный конфликт, так как апелляция эксперта к таким «закрытым» методикам не позволяет верифицировать исследование. Кроме того, под

² Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе / под ред. С.А. Смирновой. М.: ФБУ РФЦСЭ, 2018.

³ Судебная лингвистическая экспертиза диалогической речи / под ред. С.А. Смирновой, В.О. Кузнецова, А.М. Плотниковой. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2020. 120 с.

⁴ Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза. М.: Проспект, 2021. 419 с.

⁵ Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении / Т.М. Изотова, В.О. Кузнецов, А.М. Плотникова. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2016. 90 с.

«типовой методикой» в судебной экспертизе зачастую понимаются не методы (конкретные приёмы познания) и не собственно методики как таковые (совокупность методов исследования), а инструктивные издания, содержащие указания на особенности организации производства судебных экспертиз, и т. д. Задача описания конкретных научных методов исследования, соответствующих задачам экспертного исследования, при разработке типовых методик, как правило, не ставится.

При этом рациональных оснований для безусловного и безоговорочного доверия «закрытым» ведомственным методикам не имеется, а известная практика применения этих материалов в ряде случаев, напротив, заставляет сомневаться в их научной обоснованности. Так, в лингвистической экспертизе, выполненной по одному из уголовных дел, находящихся в настоящее время в производстве одного из судов г. Москвы, по обвинению гражданина в совершении преступлений, предусмотренных частью 2 статьи 205.2 УК РФ, частью 2 статьи 282 УК РФ, частью 2 статьи 205.2 УК РФ, государственный судебный эксперт-лингвист самостоятельно и единолично пришел к выводу о необходимости квалификации совокупности людей, обозначаемых словосочетанием *сотрудники ФСБ России*, как социальной группы.

Полное и достаточное, по мнению эксперта, обоснование этого вывода занимает в тексте заключения эксперта один абзац и имеет следующее дословное содержание: «В рамках проведения лингвистических исследований к социальной группе [*здесь в тексте заключения эксперта находится сноска со ссылкой на закрытые «Методические рекомендации по квалификации группы лиц как социальной группы при выявлении призывов к осуществлению экстремистской деятельности и высказываний, направленных на возбуждение ненависти и вражды, а также на унижение достоинства в рамках проведения лингвистических и психолого-лингвистических исследований»*] относятся группы лиц, выделенные в действующей редакции федерального законодательства. Под федеральным законодательством в данном случае понимаются тексты действующих Конституции

Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов (законов) Российской Федерации. Группа лиц сотрудники ФСБ России фигурирует, например, в Федеральном законе от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности», и тем самым данная группа лиц квалифицируется как социальная группа».

Подход, в соответствии с которым упоминание («выделение», «фигурирование») той или иной совокупности лиц в действующем федеральном законодательстве принимается в качестве единственного и решающего критерия её отнесения к категории социальных групп, не встречается в известных авторам настоящей статьи научных публикациях в сферах лингвистики, социальной психологии, социологии.

«Методические рекомендации по квалификации группы лиц как социальной группы при выявлении призывов к осуществлению экстремистской деятельности и высказываний, направленных на возбуждение ненависти и вражды, а также на унижение достоинства в рамках проведения лингвистических и психолого-лингвистических исследований», изданные, согласно сведениям, содержащимся в рассматриваемом заключении государственного судебного эксперта, в 2017 г. Институтом криминалистики ЦСТ ФСБ России, на которые эксперт ссылается, отсутствуют в общем доступе, что:

- препятствует верификации корректности применения экспертом того методического положения, на которое он ссылается;
- не позволяет проверить, каким образом в указанных методических рекомендациях обосновывается это методическое положение и действительно ли оно может трактоваться как методическое положение, основанное на общепризнанных научных данных.

В Федеральном законе от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» действительно присутствуют множественные упоминания о совокупности лиц, обозначаемой словосочетанием *сотрудники ФСБ России* (ожидать иного было бы странно).

Последовательное применение единственного использованного экспертом критерия

рия квалификации той или иной совокупности людей как социальной группы влечёт за собой необходимость полностью аналогичной квалификации для таких совокупностей, как:

– сотрудники органов федеральной службы безопасности, нарушившие права и свободы человека и гражданина (упоминаются, например, в абзаце 6 статьи 6 того же закона);

– «граждане, поступающие на военную службу по контракту, на федеральную государственную гражданскую службу или на работу в органы федеральной службы безопасности» (упоминаются, например, в абзаце 2 статьи 7 того же закона). При этом принятый экспертом критерий позволяет как выделить названную совокупность лиц в качестве единой социальной группы, так и разбить её на три разные «социальные группы» (граждане, поступающие на военную службу по контракту; граждане, поступающие на федеральную государственную гражданскую службу; граждане, поступающие на работу в органы федеральной службы безопасности);

– «администрации предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности» (упоминаются, например, в пункте «л» статьи 13 того же закона);

– граждане, находящиеся в жилом помещении (упоминаются, например, в пункте «а» второго списка в тексте статьи 14.1 того же закона);

– «лица, в отношении которых заведомо известно, что они являются... иностранными агентами» (упоминаются, например, в абзаце 9 статьи 16.2 того же закона);

– etc.

При этом в «Методике проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанных с противодействием экстремизму и терроризму» за авторством О.В. Кукушкиной, Ю.А. Сафоновой и Т.Н. Секераж, изданной РФЦСЭ при Минюсте России в 2014 г., вполне определённо указывается, что понятие *социальная группа* «до сих пор не является ни юридически, ни научно определённым... в современных науках (в частности, в социологии, психологии) нет единодушия по поводу определения понятия «социальная группа» (как в

рамках одной науки, так и междисциплинарное)» [3, с. 56], и столь же определённо указывается, что при этом «представители власти и чиновники общепризнанно **не являются** ни социальной, ни профессиональной группой» [3, с. 57]. Применяя это положение, можно было бы констатировать, что при рассмотрении случаев, касающихся возбуждения ненависти к правительству, полиции, сотрудникам силовых структур, **«данные субъекты общественных отношений, за исключением наличия у них властных полномочий, не обладают какими-либо специфическими признаками, в особенности относящими их к той или иной социальной группе»** [3, с. 57], а значит, **«побуждение к совершению враждебных и неправомерных действий на основании несуществующих признаков не представляется возможным»** [3, с. 57].

С учётом изложенного, тезис о заведомо более высоком качестве продукции государственных судебных экспертов по сравнению с заключениями негосударственных экспертов, объясняемом тем обстоятельством, что государственные судебные эксперты используют в ходе проводимых ими исследований методики, методические рекомендации и иные методические материалы, подлежащие официальному одобрению и утверждению в соответствующей системе экспертных учреждений, не выдерживает критики, а целесообразность перераспределения нагрузки между государственными и негосударственными судебными экспертами в пользу первых, которая, как правило, обосновывается тезисом о «недостаточной экспертной компетенции» последних, представляется как минимум спорной и неочевидной.

4. Одна из идей, активно обсуждаемых в связи с возможной реформой СЭД, – введение сертификации или иных форм обязательной легализации методик, допустимых для применения в судебной экспертизе.

К сожалению, в современных условиях эта идея при все её кажущейся рациональности и иных формах привлекательности представляется нереализуемой, во всяком случае применительно к задачам лингвистической судебной экспертизы [4]. Введение в дейст-

вующее законодательство запрета на использование методик судебно-экспертного исследования, не имеющих официального утвержденного неким уполномоченным органом статуса, предполагает существование методик для решения всех мыслимых экспертных задач, в связи с которыми может быть назначена экспертиза. При этом в декабре 2022 г. на закрытии осенней сессии Государственной Думы председатель означенного органа законодательной власти В. Володин «заявил, что принятые за год 653 закона – это исторический максимум» (<https://rg.ru/2022/12/23/pravo-pisanie.html?ysclid=lg01rs08ss740158112>). Весьма значительную часть этого количества составляют поправки к тем или иным статьям УК РФ и КоАП РФ. В целом среди дополнений и изменений в уголовное законодательство, которые были приняты в последние годы, едва ли не большинство поправок касается преступлений против общественного порядка, безопасности и основ государственного строя. Так, в 2022 г. в Уголовном кодексе появилось 19 новых статей. Около половины новых статей вводят наказание за новые виды преступлений против основ конституционного строя. В общей сложности за 2022 г. в УК РФ появилось 85 новых составов преступлений; объём текста Уголовного кодекса вырос на 9,2 % по сравнению с предыдущим годом.

Значительная часть новелл потенциально связана с появлением новых экспертных задач, лежащих в области лингвистической и психолого-лингвистической экспертизы. Например, в марте 2022 г. в УК РФ появились две статьи (207.3 и 280.3), в диспозиции которых применяется словосочетание «использование Вооружённых Сил Российской Федерации», и в том же марте к этим статьям были приняты поправки. Первые судебные лингвистические и комплексные психолого-лингвистические экспертизы по уголовным делам данной категории были назначены органами предварительного следствия не позднее апреля того же года. Очевидно, что разработка методик, предназначенных для решения экспертных задач, вытекающих из особенностей данной категории дел, стала важной частью самих экспертиз. Никаких

утвержденных методик на этот момент не было и быть не могло.

Введение в действующее законодательство запрета на использование методик судебно-экспертного исследования, не имеющих официального утвержденного неким уполномоченным органом статуса, в подобной ситуации должно будет автоматически приводить к возврату направленных на экспертизу материалов уголовного дела без исполнения с формулировкой «не представляется возможным», а если принять во внимание длительные сроки разработки методик и сопоставимые с ними сроки, которые понадобятся на их согласование и утверждение, то при наблюдаемом уровне активности законодателя придётся констатировать, что подавляющее большинство утверждаемых методик окажутся существенно устаревшими уже на момент своего утверждения.

Таким образом, указанный запрет представляется крайне нецелесообразным шагом, способным в случае судебной лингвистической и психолого-лингвистической экспертиз вызвать замедление или даже остановку судебно-экспертной деятельности.

5. Намного более целесообразным с практической точки зрения, близким к оптимальному представляется предложение об обязательной общедоступности, публичности методик, применяемых в судебной экспертизе.

Помимо очевидного соответствия этого предложения принципу гласности судопроизводства, стоит обратить внимание на то, что любая закрытость методики СЭД вступает в противоречие с требованиями статьи 8 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»: «Эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объёме. Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных». Следует обратить внимание на то, что в данной статье отсутствует

информация о каких-либо «специальных ведомственных» или «типовых» методиках, следовательно, основу экспертной деятельности лингвиста должны составлять апробированные научные методы современной лингвистики. Таким образом, применение «закрытых» методик при проведении лингвистических и психолого-лингвистических экспертиз в значительной степени противоречит принципу объективности исследования, которое считается одним из важнейших общих принципов научного познания. Ведущий критерий объективности – получение тех же или близких результатов при воспроизведении исследования другим лицом. Следовательно, доказательным критерием верификации экспертного заключения является использование общедоступных методик и научной лингвистической базы.

Немаловажно и то, что опубликование методических материалов делает их доступными для широкого публичного обсуждения в научном и экспертном сообществе, неизбежно включающего в себя конструктивную критику, нацеленную на устранение недостатков и повышение уровня объективности экспертных исследований, что, на наш взгляд, является здоровой альтернативой процедурам формальной сертификации, лишённой их недостатков и не связанной с излишними затратами, о которых было сказано выше.

6. Это предложение, по нашему мнению, позволяет также снизить остроту ещё одной объективно существующей проблемы: несмотря на наличие перечисленных выше методических материалов, а также значительного количества научных статей и региональных пособий, следует признать, что, к сожалению, методическое оснащение лингвоэкспертной деятельности отстаёт от потребностей, которые формируются запросами нашего динамично меняющегося общества и актуальными правовыми новеллами. Такое отставание позволяет некоторым специалистам неправомерно противопоставлять методологические подходы к решению лингвоправовых задач «экспертов» и так называемую этими специалистами «чистую лингвистику» (например, специалистов Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН,

барнаульской лингвистической школы («Юрислингвистика»), членов Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам), с одной стороны, и научную школу Е.Р. Россинской, которая в отличие от «чистых лингвистов» принимает «ограничения, налагаемые общими теорией и методологией судебной экспертизы», с другой стороны [5, с. 156], что в имплицатуре означает: «чистые лингвисты» – представители академического лингвистического института, старейшей в нашей стране лаборатории юридической лингвистики и специалисты, более 20 лет назад объединившиеся в Гильдию лингвистов-экспертов, которая одной из первых начала разрабатывать экспертные приёмы и методы судебной лингвистики, не принимают ограничений экспертологии». С указанным суждением крайне трудно согласиться, так как оно, во-первых, мало соответствует действительности, а во-вторых, способствует «глубинному» разделению государственных и негосударственных экспертов, что противоречит статье 41 Федерального закона № 73.

Значительно более обоснованными представляются умозаключения А.Н. Баранова о том, что «...вопреки здравому смыслу, новые подходы в системе подготовки соответствующих специалистов полностью игнорируют собственно лингвистический характер знаний лингвистов-экспертов, сводя его к юридической образованности, и <...> падение уровня лингвистических знаний <...> приводит к падению научного уровня экспертных исследований, превращая их в тексты жанра «чего изволите» [6, с. 19]. К этому следует добавить, что научные основы экспертной деятельности институционально закреплены и в Федеральном законе № 73, а также в ряде статей процессуальных кодексов РФ.

«Метод экспертизы – система логических и/или инструментальных операций (способов, приёмов) получения данных для решения вопроса, поставленного перед экспертом»⁶. Правовое (экспертное) определение показывает, что в лингвистической экс-

⁶ Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе...

пертизе любой исследовательский метод или приём должен быть обусловлен решением той или иной экспертной задачи. Задачи современной экспертной деятельности чрезвычайно разнообразны, а потому требуют не только семантического и стилистического анализа, но и дискурсивного, прагматического, коммуникативного анализов, связанных с использованием различных лингвистических методов. Таким образом, метод в судебно-экспертной деятельности в значительной степени является тем научным основанием, фундаментом, от которого зависит качество исследования и, как следствие, судьба человека.

Требование открытости методических материалов для широкого обсуждения может стать важнейшим шагом на пути к фактической унификации применяемых в сфере лингвистической судебной экспертизы методов и методик.

Вопросы методики судебной экспертизы широко обсуждаются в научной лингвистической литературе. Значительный спектр методических и методологических проблем эксплицирован в работах А.Н. Баранова, К.И. Бринёва, Е.И. Галящиной, Т.М. Изотовой, В.О. Кузнецова, А.М. Плотниковой, М.А. Осадчего, Т.В. Чернышовой и др. Призывам найти «алгоритм обсуждения... возможности оптимизации и согласования конкретных методик по ряду актуальных вопросов теории и практики судебных лингвистических экспертиз» [7, с. 243] уже больше десяти лет. Однако «всеобщий лингвоэкспертный алгоритм» до сих пор не найден; более того, даже существующие методические пособия, научно выверенные, позволяющие минимизировать системно-структурный подход к исследованию текста, актуализирующие учёт коммуникативной ситуации и механизма функционирования языка в процессе коммуникации, используются далеко не всеми экспертами как государственных, так и негосударственных учреждений, чему немало способствует возможность использования «закрытых» методик, выведенных в силу их недоступности для широкого научного обсуждения из сферы критики.

Традиционно в лингвистической экспертизе наряду с общенаучными (наблюдение,

описание, сравнение, анализ, синтез) применялись и применяются хорошо зарекомендовавшие и проверенные теорией и практикой языкознания известные исследовательские методы и приёмы, такие как: *лексико-семантический, семантико-стилистический, лингвостилистический анализ*. В последнее десятилетие стали чрезвычайно востребованы референциальный, психолингвистический, логический анализ языка, прагматический (коммуникативно-прагматический) метод, методы концептуального анализа, гештальт-анализа, фреймового анализа и пр. Актуальным является также использование *семантического анализа* потенциально противоправных текстов. В известнейших пособиях Министерства юстиции, связанных с проблемами исследования текстов с «экстремистским» психолого-лингвистическим компонентом, указано, что «данный вид исследований относится к *семантическим* исследованиям», «По объекту и по цели этот анализ является *семантическим*. Лингвистический *семантический* анализ опирается прежде всего на знания о значениях языковых единиц и о способах их использования, в той или иной мере отражаемые в словарях и лингвистических описаниях (прежде всего в грамматиках)» [2, с. 14-15; 3, с. 21, 33] (выделено нами. – И. Ж., Е. К.). Семантический анализ в качестве важнейшего в экспертной лингвистической деятельности указан и в пособии «Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе»⁷, и в Типовой межведомственной методике лингвистического экспертного исследования материалов экстремистской направленности⁸.

Известно, что семантический анализ текста предполагает использование двух частных методов: *метода синонимических преобразований и референцирования*, которое «позволяет сделать явными те или иные части содержания текста ...и показывает,

⁷ Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе ...

⁸ Типовая межведомственная методика лингвистического экспертного исследования материалов экстремистской направленности. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, Институт криминалистики ЦСТ ФСБ России, ФГКУ ЭКЦ МВД России, Главное управление криминалистики СК РФ, 2019. 12 с.

как эксперт пришёл к соответствующим выводам» [6, с. 23]. Для профессора А.Н. Баранова очевидно, что все методы экспертного лингвистического анализа можно свести к применению процедуры синонимических преобразований: «Синонимическими преобразованиями в первом приближении можно назвать такую модификацию исходного текста (в широком понимании), при которой одни аспекты его семантики сохраняются, приобретая более эксплицитную форму, а другие могут редуцироваться вплоть до полной элиминации. При синонимических преобразованиях и весь объектный текст может подвергаться экспликации, то есть таким синонимическим преобразованиям, когда весь смысл (или его значительная часть) представляется в более эксплицитном виде» [6, с. 23]. Действительно, синонимическое перефразирование – это универсальная методика, используемая для экспликации имплицитных смыслов в устной и письменной речи, которая лежит в основе системы методов лингвоэкспертной деятельности и встраивается практически в любое экспертное исследование.

Профессор О.В. Кукушкина полагает, что основой современной методологии лингвистической экспертизы является семантический анализ, и предлагает следующее определение общего метода проведения судебных лингвистических экспертиз семантического типа: «Метод исследования заключается в экспликации смысловых компонентов, важных для решения вопроса (=результат, данные для решения вопроса), путём семантической декомпозиции и синонимического перефразирования смысла сообщения (=операциональная часть) на основе его лингвистического анализа (=научная база)» [8, с. 124].

Следует отметить, что в настоящее время не все эксперты разделяют безусловный приоритет названных выше методов исследования, таких, как, например, *синонимическое перефразирование (синонимическое преобразование)*. Так, профессор Е.И. Галяшина считает, что любое преобразование текста лишает его правового статуса доказательства: «В этой связи важно подчеркнуть, что используемые для научных изысканий методы реферирования, аннотирования, синонимиче-

ских преобразований и т. п. в судебной лингвистической экспертизе не могут быть допустимы. Аналогично метод интерпретации, исходящий из теоретических положений, что значения знаков существуют только как отражения в мозгу интерпретатора процессов восприятия речи, то есть виртуальных следов в терминологии криминалистики – неприменим для судопроизводства, где объектами судебных экспертиз выступают материальные, а не виртуальные следы. <...> К тексту, как объекту судебной лингвистической экспертизы, не может быть применен метод ассоциативного эксперимента, экспериментальный интерпретационный метод (в том числе метод интроспекции). Конкретный текст рассматривается как готовый продукт деятельности его создателя, не подлежащий изменению при эксперименте» [9, с. 34].

Не вдаваясь в дискуссию, заметим, впрочем, что все задачи, поставленные на разрешение эксперта, всегда ситуативно обусловлены и требуют использования широкого спектра разнообразных (но научно обоснованных и апробированных) лингвистических методов исследования потенциально противоправной информации, выраженной как эксплицитно, так и имплицитно. Тем не менее, семантические исследования в современной экспертной практике используются практически во всех видах лингвистических заключений – экспертиз, связанных с диффамацией и дискредитацией, клеветой, вовлечением в противоправную деятельность, возбуждением вражды, призывами к экстремистской деятельности, оправданием терроризма, пропагандой наркотиков, коррупционной составляющей и многих других.

В лингвистической экспертиологии хорошо известно, что «необходимость применения семантических методов обусловлена стремлением избежать умозрительных представлений о значении сказанного, формализацией процедур экспертного анализа, возможностью проверить выводы, к которым пришёл эксперт-лингвист»⁹.

⁹ Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе ...

7. Требование публичности применяемой методики с одновременным отказом от требования её обязательной сертификации (фактического запрета на использование несертифицированной методики) в совокупности способны обеспечить расширение методических возможностей и оптимизацию подходов к решению экспертных задач, связанных с большинством «традиционных» для сферы судебной лингвистической экспертизы статей ГК и УК РФ.

Так, представляется, что только в результате широкого публичного обсуждения возможно достижение консенсуса (а следовательно, и унификации методических подходов либо как минимум их совместимости) относительно применения экспертного лингвистического понятия «языковая форма» по отношению к утверждению как любому высказыванию в утвердительной форме, утверждению о фактах, мнению, оценке (оценочному суждению). Это понятие играет в лингвистической экспертизе большую методическую роль, потому что именно оно используется для разграничения компетенции лингвиста, который может анализировать высказывание, и суда, устанавливающего реальный факт соответствия или несоответствия высказывания действительности. Понятие языковой формы следует трактовать в широком смысле, включая сюда и показатели объективной и субъективной модальности, и разного рода средства выражения коммуникативной направленности, и отношения говорящего к собственному высказыванию, и пр.

В качестве иллюстрации положения об исключительной важности именно такой трактовки данного понятия, обеспечивающей наибольшую полноту и всесторонность лингвистического анализа и демонстрирующей преимущества подхода, соединяющего в себе различные методы «чистой лингвистики» как науки, приведём пример экспертного лингвистического исследования поста, размещённого в сети Интернет, содержащего следующий текст «Савельев окончательно головой поехал», а также изображение текста приказа: «Об использовании в ПАО «Аэрофлот» мобильных телефонов и иных устройств, позволяющих производить аудиоза-

пись и видео- и/или фотосъёмку, оканчивающимся подписью *Генеральный директор В.Г. Савельев*». В диспозиции статей 152 ГК и 5.61 КоАП РФ этот объект был проанализирован таким образом.

Объект данного исследования представляет собой запись (пост, твит – от англ. *post, tweet*) в социальной сети «Твиттер», иными словами, речевой материал принадлежит интернет-дискурсу. Являясь поликодовым текстом, он имеет две составляющие: (а) письменный текст «*Савельев окончательно головой поехал*» и (б) изображение, в котором отражён письменный текст «*Об использовании в ПАО «Аэрофлот» мобильных телефонов и иных устройств, позволяющих производить аудиозапись и видео- и/или фотосъёмку...*», завершающийся подписью «*Генеральный директор В.Г. Савельев*».

Текст (а) по отношению к тексту (б) является вторичным, текстовым элементом последующего порядка; это реакция на первичный код. То есть высказывание (а) – это метатекст, вербализирующий эмоции автора по поводу первичного текста. Следовательно, особенности контекста позволяют сделать вывод о том, что высказывание «*Савельев окончательно головой поехал*» необходимо отнести к **речевому жанру комментария, а точнее, протестного, реактивного комментария.**

Использование инструментария **лексико-семантического метода** лингвистического исследования позволило выявить значение лексем, входящих в эксплицитную часть спорного высказывания. Словосочетание «*головой поехал*» образовано в результате преобразования фразеологизма «*крыша поехала*», реализующего в современном русском языке следующее значение: «(*крыша едет (поехала) у кого-л. – Кто-л. сходит (сошёл) с ума; о нарушении способности здраво мыслить, помешательстве // У него крыша поехала от успеха*)» и семантической синонимической связи слов *голова* *крыша*. В современных словарях русского языка это связанное словосочетание квалифицируется как *разговорно-просторечное, просторечное, разговорно-сниженное, ироничное*. Наречие «*окончательно*» имеет переносное значение «*совсем, совершенно, полностью*».

Таким образом, пропозициональная составляющая высказывания (без учёта имплицитного содержания) выглядит следующим образом: «Савельев совсем сошёл с ума; у него нарушена способность здраво мыслить». Словарных помет, которые бы свидетельствовали об инвективном содержании высказывания (а), не обнаружено.

Исследование спорного высказывания с точки зрения **коммуникативистики** показало, что спорное сообщение – это твит, в структуру которого входят текст (а), изображение текста (б) и дополнения в виде комментариев, лайков (отметок «Мне нравится»), репостов (цитирований).

Адресант (субъект речи, создавший поликодовый текст), знает, что у него имеется читательская аудитория. Адресаты – читатели с близкой автору апперцепционной базой (фоновыми знаниями).

Исследование коммуникативной ситуации позволяет заключить, что общая **модальность мнения наследуется высказываниями**, входящими в тот или иной пост, в том числе и исследуемым высказыванием (а).

Анализ спорного высказывания с **функциональной точки зрения** свидетельствует о том, что твит как речевое произведение решает несколько задач. Коммуникативная задача определяется контекстом, в котором субъект речи высказывания (а) в качестве реакции на текст (б) эксплицирует суждение «Савельев окончательно головой поехал», аргументируя эту оценку представлением текста (б). Логические связи между ответом на восстанавливаемый из структуры коммуникативного акта презюмируются – они представляют собой пресуппозитивные компоненты смысла ‘Савельев окончательно головой поехал, потому что подписал документ, изображение которого я разместил ниже’ и – наоборот: ‘Я разместил изображение документа для того, чтобы читателям стало понятно, о чём идёт речь в моём высказывании’. Следует отметить, что прикрепление изображения текста (б) оказывает влияние на модальность текста (а). Автор не демонстрирует какой-либо новой фактической информации, но осведомляет о своём

воззрении на ситуацию, возникшую вокруг текста (б).

Эмотивная (экспрессивная) функция связана с выражением отношения субъекта речи к подписанному Савельевым приказу (текст б). Эмоциональный эффект реализуется с помощью использования слов с ироничной коннотацией (фразеологизм, наречие с гиперболизацией).

Адресат определяет наличие **апеллятивной (конативной) функции**. В спорном высказывании выражена установка прямого воздействия на читателей (подписчиков) – вызвать сочувствие к сотрудникам ПАО «Аэрофлот», которым запретили в рабочее время пользоваться техникой с функциями фиксации. Известно, что чем больше блогер публикует контента с целью вызвать различные сильные эмоции у читателей (сострадание, негодование, радость и т. д.), тем более «народным» становится блогер, а следовательно, он приобретает новых фолловеров (последователей).

Метаязыковая функция: субъект речи ощущает потребность своих подписчиков в его комментариях, поэтому выражает мнение (побуждение к сочувствию) по поводу отмеченного приказа.

Таким образом, анализ функций спорного речевого материала показал, что целеполагание высказывания (а) связано с эмоциональным воздействием на читателей, то есть является выражением речевой эмоции для экспликации своего отношения к событию.

Исследование спорного высказывания с помощью **метода логического анализа** позволило установить, что модальная рамка в высказывании эксплицитно не выражена, однако восстанавливается из анализа контекстуальной информации: [Я считаю, что ...]: Я считаю, что Савельев окончательно головой поехал.

Смысл предложения складывается из модуса и диктума. Диктум – то, что сообщается: «Савельев окончательно головой поехал» + изображение текста (б). Модус – субъективный смысл, отношение говорящего к сообщаемому, то, каким образом нечто сообщается. В спорном тексте (текст (а) + текст (б)) имеется **модус эмоционального отношения**,

поскольку используется предикат в виде оценочного фразеологизма (*головой поехал = сошёл с ума, нарушена способность здраво мыслить*). Автор отрицательно относится = **вербализует отрицательную оценку**.

Таким образом, в спорном высказывании отсутствует негативная информация (сведения), выраженная в языковой форме утверждения.

Прагматический анализ спорного высказывания показал следующее. В прагматическом смысле выявление речевых признаков оскорбления или опорочивания означает выявление признаков одного из речевых актов класса экспрессивов – инвективного речевого акта. Наряду с этим в класс включаются и смежные с инвективными акты. Следовательно, важно провести необходимое разграничение и лингвистическую квалификацию.

Высказывание (а) + изображение текста (б) относятся к РА класса экспрессивов. Такой текст обычно складывается из трёх компонентов: локутивного акта *locutio*, иллюкутивного акта *inlocutio*, перлокутивного акта *perlocutio*.

Локутивный акт эксплицирован с помощью субъекта (Савельев) и сказуемого, выраженного фразеологическим оборотом (головой поехал), а также обстоятельством степени (совсем).

Иллокутивный акт: $F(P)^{10}$ = оценочное суждение («Я оцениваю действия по изданию приказа (б) как действия человека, который совсем сошёл с ума»);

Перлокутивный акт формирует установки: 1) вызвать к себе симпатию подписчиков (адресатов), сформировать их положительную реакцию; 2) вызвать дискуссию, связанную с негативным характером высказывания.

Следовательно, **исследуемый речевой акт представляет собой экспрессивную оценку**.

Исследуемый речевой акт не способен быть инвективным по ряду причин:

1) адресатом речевого акта не является конкретный человек. В данном случае экс-

прессив направлен на воздействие на многочисленных читателей автора-блогера;

2) отсутствует перлокутивный эффект инвективного речевого акта – чувство оскорблённости адресата, которое является триггером ответной вербальной или невербальной реакции (если говорящий имеет намерение оскорбить адресата, то он надеется, что тот будет оскорблён). Известно, что перлокутивный эффект – это конститутивный элемент для инвективного речевого акта. В рассматриваемом случае автор не эксплицирует намерение унижить конкретного человека (отсутствуют графически выделенные обращения, в том числе и никнейм конкретного пользователя, начинающийся с @);

3) инвективы, как правило, относятся к эмоционально мотивированным оценкам и выражают интенциональный тип действия – достижение требуемого (желаемого) ментального состояния адресата, эксплицированного посредством отрицательного оценочного суждения. Значение такого высказывания определяется семемой, включающей не только понятийное ядро, но и понятийно-оценочные элементы. Концептуально любое оценочное высказывание стремится к тому, чтобы быть истинным, поэтому реализует интенцию убеждения адресата в истинности оценки;

4) как правило, инвективному высказыванию предшествует какое-либо нарушение адресатом норм или правил поведения, непонимание каких-либо идей или суждений, неспособности выполнить работу и др. Этот сбой (недостаток) субъект речи оценивает либо с точки зрения ущемления его интересов, либо с точки зрения общественной оценки. В анализируемом тексте эти условия отсутствуют, поскольку объект (Савельев) непосредственно не причинял блогеру вреда, комментарий направлен на вызов эмоций сочувствия для лиц, которым необходимо исполнять приказ (б).

Таким образом, исследуемый экспрессивный речевой акт не является инвективным. Установлен вид экспрессива – **речевой акт оценки**.

Коммуникативно-прагматический анализ. Высказывание содержит негативно-оце-

¹⁰ Примечание: F – иллокутивная функция (сила); P – пропозициональное содержание.

ночную пресуппозицию: *‘Савельев поехал головой (=сошёл с ума)’*; данное обстоятельство презюмируется, читатель ассоциирует знания о предыдущих освещаемых в СМИ и блогосфере фактах, связанных с Савельевым и ПАО «Аэрофлот», и ассоциируемых в сознании читателя с тем, что интерпретируется сочетанием *головой поехать (=сойти с ума у него, нарушена способность здраво мыслить)*. Новая информация, которую способен извлечь из высказывания (1) читатель, заключается в том, что *‘на этот раз Савельев окончательно (=совсем) сошёл с ума, у него нарушена способность здраво мыслить’* (в виде обязательной инференции). Если говорить о наличии в высказывании негативной информации, то, исходя из словарной пометы *разговорно-просторечное, просторечное, разговорно-сниженное, ироничное* фразеологизму *«крыша поехала»* (исследуемый фразеологизм *«головой поехал»* образован по аналогии), она имеется лишь в отношении господина Савельева (но не в отношении ПАО «Аэрофлот»). Языковая форма выражения этой информации – оценочное суждение, однако необходимо учитывать общую модальность текстов, выявленную посредством коммуникативного анализа. Модальность мнения наслаивается на модальность оценочного суждения, образуя **форму информации в виде мнения-оценки. Такое высказывание не может быть подвержено проверке на действительность, поскольку обладает субъективной модальностью.** От оценочного суждения мнение-оценка отличается тем, что здесь оценочное суждение преподносится в виде выражения мнения (хотя и без специальных помет *по моему мнению, на мой взгляд* и т. д.), а не выдаётся за объективизированную оценку (ту, которая принимается большинством).

Всё вышесказанное не даёт лингвистических оснований для квалификации спорного высказывания как оскорбительного.

Подобный **мультиметодический подход к анализу спорного текста делает исследование объективным и внутренне верифицированным**, тем самым полностью соответствует требованию статьи 8 ФЗ № 73.

Таким образом, методы исследования, используемые в судебной лингвистической экспертизе, должны удовлетворять трём важнейшим принципам:

1) способствовать решению лингвистических задач, поставленных перед экспертом (специалистом). Например, лексико-семантический и лексико-синтаксический анализ вполне адекватны и достаточны для исследования текстов делового стиля. Однако эти методы не в полной мере соответствуют задачам анализа текстов в диспозиции «антиэкстремистских» статей Уголовного кодекса РФ 205.2, 280, 282 и ряда других. Для объективного и всестороннего научного исследования в рамках экспертизы по делам этой категории не обойтись без теории речевых актов, дискурсивного и коммуникативного анализа, а также ряда иных методических инструментов;

2) соответствовать научным лингвистическим методам, выработанным на протяжении столетий в отечественной лингвистике;

3) быть всеобщими, то есть строго обязательными и для государственных, и для негосударственных экспертов.

В целом следует согласиться с мнением Т.В. Чернышовой о том, что «приоритетное использование сертифицированных методик по сравнению с методиками, апробированными в ходе научно-исследовательской деятельности лингвистов-экспертов (специалистов), представляется искусственно созданной преградой, призванной ограничить участие специалистов в судебно-экспертной деятельности» [10, с. 341].

ВЫВОДЫ

1. Представляется, с одной стороны, самоочевидным, а с другой стороны, критически важным условием, прямо вытекающим из принципов, формирующих основы конституционного строя, что регулирование СЭД как сферы, обслуживающей только и исключительно потребности судопроизводства, должно осуществляться при решающем участии органов судебной ветви власти. Участие органов исполнительной власти, как существующих (включая, например, Минюст

России), так и предлагаемых к созданию (включая, например, институт уполномоченного по судебно-экспертной деятельности при Президенте РФ), а равно иных структур, созданных и контролируемых такими органами, в регулировании СЭД может и должно носить только совещательный характер.

2. Обсуждаемые в настоящее время в рамках возможной реформы сферы СЭД:

– перераспределение нагрузки между государственными и негосударственными судебными экспертами в пользу первых;

– создание любых новых государственных органов или особых подразделений в составе существующих органов власти, в чьи полномочия будут входить аккредитация, сертификация, валидация, лицензирование, стандартизация, аттестация и (или) регистрации в том или ином подлежащем созданию реестре всех экспертов, только негосударственных судебных экспертов, негосударственных экспертных учреждений (далее также СЭУ), методик производства судебной экспертизы, оборудования и т. д., – следует рассматривать в настоящее время как меры по меньшей мере сомнительные и, вероятно, ведущие к усугублению наиболее острых проблем, существующих сегодня в сфере организации судебно-экспертной деятельности.

3. Тезис о заведомо более высоком качестве продукции государственных судебных экспертов по сравнению с заключениями негосударственных экспертов, объясняемый тем обстоятельством, что государственные судебные эксперты используют в ходе проводимых ими исследований методики, методические рекомендации и иные методические материалы, подлежащие официальному одобрению и утверждению в соответствующей

системе экспертных учреждений, не выдерживает критики, а целесообразность перераспределения нагрузки между государственными и негосударственными судебными экспертами в пользу первых, которая, как правило, обосновывается именно этим тезисом, представляется как минимум сомнительной.

4. Запрет на использование методик судебно-экспертного исследования, не имеющих официального утвержденного тем или иным уполномоченным органом статуса, представляется крайне нецелесообразным шагом, способным в случае судебной лингвистической и психолого-лингвистической экспертизы вызвать полную остановку судебно-экспертной деятельности.

5. Намного более целесообразным с практической точки зрения, близким к оптимальному, представляется предложение об обязательной общедоступности, публичности методик, применяемых в судебной экспертизе.

6. Требование открытости методических материалов для широкого обсуждения может стать важнейшим шагом на пути к фактической унификации применяемых в сфере лингвистической судебной экспертизы методов и методик.

7. Требование публичности применяемой методики с одновременным отказом от требования её обязательной сертификации (фактического запрета на использование несертифицированной методики) в совокупности способны обеспечить расширение методических возможностей и оптимизацию подходов к решению экспертных задач, связанных с большинством «традиционных» для сферы судебной лингвистической экспертизы статей ГК и УК РФ.

Список источников

1. Чернявская М.С. Судебно-экспертная деятельность негосударственных экспертных организаций: теоретические и прикладные аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», 2021. 19 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01010777413>
2. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2011. <https://elibrary.ru/qsldvd>

3. Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М.: ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2014. <https://elibrary.ru/yolzbf>
4. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. М.: Флинта; Наука, 2007. 591 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006564760>
5. Новожилова Е.В., Донскова Ю.В. Требования к научным методикам судебной лингвистической экспертизы // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Серия филологическая. 2022. № 5. С. 156-162. https://doi.org/10.52452/19931778_2022_5_156, <https://elibrary.ru/mfidip>
6. Баранов А.Н. Лингвистика в лингвистической экспертизе (метод и истина) // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2017. Т. 16. № 2. С. 18-27. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.2>, <https://elibrary.ru/zaonen>
7. Горбаневский М.В. О прикладной лингвистике в борьбе с экстремизмом // Экология языка и речи. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. 424 с. <https://elibrary.ru/vcdhdx>
8. Кукушкина О.В. Методы анализа, применяемые в судебной лингвистической экспертизе // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. № 1 (41). С. 118-126. <https://elibrary.ru/vroitp>
9. Галяшина Е.И. Судебная лингвистическая экспертиза и пределы допустимости использования методов лингвистической науки // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 4. С. 31-36. <https://elibrary.ru/yjdetr>
10. Чернышова Т.В. Аналитико-экспертная деятельность филолога и проблема выбора метода в современной лингвоэкспертной практике // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований / отв. ред. Н.Н. Казанский. 2016. Т. 12. №. 3. С. 335-350. URL: <https://rusexpert.ru/public/guild/статья%20Т.В.Чернышовой.pdf>

References

1. Chernyavskaya M.S. *Sudebno-ekspertnaya deyatel'nost' negosudarstvennykh ekspertnykh organizatsii: teoreticheskie i prikladnye aspekty: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk.* [Forensic activities of non-state expert organizations: theoretical and applied aspects: PhD (Law) diss. abstr.]. Moscow, Kutafin Moscow State Law University Publ., 2021, 19 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01010777413>
2. Kukushkina O.V., Safonova Yu.A., Sekerazh T.N. *Teoreticheskie i metodicheskie osnovy sudebnoi psikhologo-lingvisticheskoi ekspertizy tekstov po delam, svyazannym s protivodeistviem ekstremizmu* [Theoretical and Methodological Foundations of Forensic Psychological and Linguistic Examination of Texts in Cases Related to Countering Extremism]. Moscow, Federal Budgetary Entity Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation Publ., 2011, 326 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/qslvad>
3. Kukushkina O.V., Safonova Yu.A., Sekerazh T.N. *Metodika provedeniya sudebnoi psikhologo-lingvisticheskoi ekspertizy materialov po delam, svyazannym s protivodeistviem ekstremizmu i terrorizmu* [Methodology for Conducting Forensic Psychological and Linguistic Examination of Materials in Cases Related to Countering Extremism and Terrorism]. Moscow, Federal Budgetary Entity Russian Federal Centre of Forensic Science of the Ministry of Justice of the Russian Federation Publ., 2014, 98 p. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yolzbf>
4. Baranov A.N. *Lingvisticheskaya ekspertiza teksta* [Linguistic Examination of the Text]. Moscow, FLINTA-M, Nauka Publ., 2013, 591 p. (In Russ.) Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01006564760>
5. Novozhilova E.V., Donskova Yu.V. Requirements for scientific methods of forensic linguistics. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya filologicheskaya = Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2022, no. 5, pp. 156-162. (In Russ.) https://doi.org/10.52452/19931778_2022_5_156, <https://elibrary.ru/mfidip>
6. Baranov A.N. Linguistics in forensic linguistic expertise (method and truth). *Vestnik VolGU. Seriya 2. Yazykoznanie = Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 2017, vol. 16, no. 2, pp. 18-27. (In Russ.) <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.2>, <https://elibrary.ru/zaonen>
7. Gorbanevskii M.V. O prikladnoi lingvistike v bor'be s ekstremizmom [About applied linguistics in the fight against extremism]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Ekologiya yazyka i rechi»* [Proceedings of the International Scientific Conference "Ecology of Language and Speech"]. Tambov, Publishing House of Derzhavin Tambov State University, 2012, pp. 235-249. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vcdhdx>

8. Kukushkina O.V. Methods used in forensic linguistic analysis. *Teoriya i praktika sudebnoi ekspertizy = Theory and Practice of Forensic Science*, 2016, no. 1 (41), pp. 118-126. (In Russ.) <https://elibrary.ru/vroitp>
9. Galyashina E.I. Judicial linguistic expertise and limits of use of linguistic science methods. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2018, no. 4, pp. 31-36. (In Russ.) <https://elibrary.ru/yjdetr>
10. Chernyshova T.V. Analitiko-ekspertnaya deyatel'nost' filologa i problema vybora metoda v sovremennoi lingvoekspertnoi praktike [Analytical and expert activity of a philologist and the problem of choosing a method in modern linguoexpert practice]. *Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN «Acta Linguistica Petropolitana»* [Proceedings of the Institute for Linguistic Research Russian Academy of Science "Acta Linguistica Petropolitana"]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2016, pp. 335-350. (In Russ.) Available at: <https://rusexpert.ru/public/guild/статья%20Т.В.Чернышовой.pdf>

Информация об авторах

Жарков Игорь Вениаминович, кандидат филологических наук, начальник научно-методического отдела Гильдии (Санкт-Петербург), Гильдия лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам, г. Москва, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-4069-5938>, linguexpert@protonmail.com

Вклад в статью: анализ научной литературы, сбор иллюстративного материала, написание части текста статьи.

Колтунова Елизавета Аркадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0003-2601-7954>, koltunova52@yandex.ru

Вклад в статью: идея статьи, анализ словарей и научной литературы, написание части текста статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Поступила в редакцию 27.01.2023
Одобрена после рецензирования 11.04.2023
Принята к публикации 20.04.2023

Information about the authors

Igor V. Zharkov, PhD (Philology), Head of the Scientific and Methodological Department of the Guild (St. Petersburg), Guild of Linguistic Experts in Documentary and Information Disputes, Moscow, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-4069-5938>, linguexpert@protonmail.com

Contribution: scientific literature analysis, illustrative material acquisition, part manuscript text drafting.

Elizaveta A. Koltunova, PhD (Philology), Associate Professor of Theoretical and Applied Linguistics Department of Philology and Journalism Institute, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0003-2601-7954>, koltunova52@yandex.ru

Contribution: study idea, dictionaries and scientific literature analysis, part manuscript text drafting.

There is no conflict of interests.

Received January 27, 2023
Revised April 11, 2023
Accepted April 20, 2023